

§1 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

Киселева А.В.

ИЗМЕНИЛО ЛИ ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА КОНСТИТУЦИОННУЮ ПРИРОДУ ФЕДЕРАЦИИ В РОССИИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)?

Аннотация: Целью написания данной статьи послужило существенное обновление субъектного состава РФ и тенденция к изменению основ ее организации. Подобное обновление является постоянным и поступательным движением, адекватным развитию фактических отношений в рамках государственного устройства. Тем не менее, происходящие ныне процессы являются особенно яркими, значимыми, нуждающимися в глубоком осмыслении и имеющими далеко идущие последствия. Вполне возможно, что данные процессы в современных условиях могут в корне изменить российский федерализм. Методология исследования основана на анализе нормативных, доктринальных и эмпирических элементов. Исследование является одним из первых в цикле статей о новой федеративной модели России и мировых центробежных и центристских тенденций. Работа может быть использована для оптимизации государственного устройства современной России. Статья формирует общественное сознание для глубокого понимания базовых общественно-политических процессов, на основе которых сформирована и развивается современная государственность. Статья предназначена для использования в работе органов государственной власти, научных исследованиях.

Abstract: This writing of this article was prompted by the recent changes the Russian Federation made to the construct of its federal subjects and its tendency towards changing the basis of its organization. The processes that are currently taking place require deeper examination and carry far-reaching consequences. It is quite possible that under current conditions, these processes can radically change Russia's federalism. The methodology of this research is based on the analysis of normative, doctrinal and empirical elements. This research is one of the first articles in the cycle of the new federal model of Russia and the global centrifugal and centripetal tendencies. This work can be implemented in optimization of the governmental structure of modern Russia. The article forms the public conscience for a deep understanding of the basic sociopolitical process, upon which the current statism is established.

Ключевые слова: Федерация, конфедерация, союзное государство, договор об объединении, народ, государственное строительство, присоединение, суверенитет, независимость, референдум.

Keywords: Federation, confederation, union state, unification treaty, nation, governmental structuring, annexation, sovereignty, independence, referendum.

Присоединение Крыма к России является примером добровольного вхождения Республики Крым в состав РФ. В ходе анализа, проводимого в рамках данной статьи, объектами исследования не будут выступать политические и правовые подробности событий в сопредельном государстве, проведение референдума о статусе части его территории и образование Республики Крым.

Наш научный интерес будет направлен на новый субъектный состав нашей федерации, а именно, мы рассмотрим, изменилось ли конституционное ее ос-

нование ввиду заключения договора о присоединении независимого государства, трансформировался ли принцип равенства субъектов в связи с тем, что два новых субъекта имеют отличное от всех остальных основание для включения в субъектный состав.

Федеративные государства принято классифицировать как договорные и конституционные. Так, государственно-правовая специфика федерации будет во многом предопределена ее организацией по одному из этих двух принципов. В юридической науке общепризнанно разграничение договорных и

Государственные институты и правовые системы

конституционных федераций (а иногда и конституционно-договорных). Однако содержание данного классификационного критерия зачастую может значительно варьироваться.

подавляющее большинство авторов относят федерации к договорным или конституционным с опорой на характер политического процесса, следствием которого явилось образование федеративного государства. Исходя из этого критерия, договорные федерации образуются при объединении независимых государств в единую федерацию на основе договора «снизу», конституционные федерации, напротив, основываются на выделении (конституировании) субъектов федерации «сверху». Так, Б. С. Эбзеев полагает, что «в зависимости от способа возникновения и характера учредившего федеративное государство акта различают договорные и конституционные федерации».¹ При этом центральным критерием становится непосредственно способ возникновения. По утверждению самого Б. С. Эбзеева, «даже при объединении на основе договора он впоследствии уступает свое место конституции. Именно таким образом возникли США и Швейцария, СССР, Югославия, Танзания, ОАЭ и др.»²

Наряду с этим нередко существует указание на то, что предпочтительным может считаться именно элемент договора в образовании федерации, а иногда договорный критерий создания федерации даже абсолютизируется. Так, Л. М. Карапетян, указывая, что «федерация, как правило, создается «снизу», т.е. на основе союза (договора, соглашения) объединяющихся в единое государство субъектов. Но она может создаваться также «сверху» путем преобразования унитарного государства, конфедерации или содружества государств»³, полагает, что «независимо от образования федерации «снизу» или «сверху» доминирующим требованием (принципом) является добровольное согласие входящих в единое государство субъектов»⁴.

В то же время возможно обозначить два основания, по которым описанный подход к разграничению договорных и конституционных федераций может представляться как не совсем корректный.

Во-первых, как справедливо отметил Л. М. Энтин, выделение только двух описанных способов создания

федераций нельзя назвать исчерпывающим тему. Федеративные государства могут быть созданы:

Благодаря тому, что между независимыми субъектами был заключен договор о создании нового государственного объединения, вследствие чего участники договора становятся субъектами федерации (так, тринадцать североамериканских штатов, отстаивавшие свою независимость от британской короны, договорились о создании нового государства – Соединенных Штатов Америки);

2) Как итог различных способов присоединения к государству новых территорий и последующего наделения их правами субъектов федерации (так, Техас был присоединен к США посредством завоевания, Луизиана была куплена, а штаты к западу от реки Миссисипи были освоены как новые территории) или практикой образования новых субъектов федерации на части территории государства, существовавшего ранее (образование земли Северный Рейн–Вестфалия из части прежних территорий Пруссии, а также пяти новых земель на территории бывшей ГДР);

3) По соглашению о повышении статуса прежних региональных образований и их преобразования в субъекты федерации (так, согласно поправкам к Конституции Бельгии 1831 г., принятым в 1988 г., Фландрия, Валлония и Брюссель получили статус субъектов Бельгийской федерации);

4) В процессе или как итог эволюции конфедерации в федеративное государство с превращением в субъектов федерации прежде независимых государств (Швейцария после гражданской войны 1847-1849 гг., в нашем веке – Объединенные Арабские Эмираты, первоначально представлявшие собой конфедеративную форму объединения семи княжеств Персидского залива)⁵.

В обозначенной ситуации в большинстве случаев не представляется возможным говорить о согласии субъектов на создание государства. Даже в так называемых «добровольных» федерациях зачастую согласие субъектов на объединение в федеративное государство детерминировано, к примеру, авторитетом и силой других субъектов федерации (США), либо оккупационных или колониальных властей (Индия), либо мирового сообщества (Германия в 1949г.).

Во-вторых, даже допуская возможность существования всего двух идеальных моделей образования

¹ Конституционное право: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1999. С. 271.

² Там же. С. 271-272.

³ Карапетян Л.М. Федеративное устройство российского государства. М., 2001

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Конституционное право зарубежных стран: Учебник / Под ред. М.В. Баглая, Ю.И.Лейбо, Л.М.Энтина. М., 1997. С. 131.

федерации – «добровольной снизу» и «октроированной (или навязанной) сверху», – невозможно не согласиться с тем, что указанное обстоятельство представляет собой предмет исследования скорее исторических наук, нежели конституционного права. Поскольку, исходя из того, (как указывалось выше), что в процессе существования федерации договор может быть дополнен или даже заменен конституцией, а субъекты могут потерять право на пересмотр условий объединения, такое образование по своим юридическим свойствам станет полностью идентичным федерациям, созданным сверху на основе октроированной конституции, исключая ряд особенностей, проявляющихся при рассмотрении исторического процесса. Так, закономерным становится вывод о том, что в основе классификации федеративных государств, принятой в науке конституционного права, должны лежать критерии, раскрывающие их юридические особенности, а не только исторические пути формирования федерации. Посему именно распознавание природы высшего юридического акта, на котором основана федерация, в качестве критерия разграничения договорных федераций представляется более конструктивным.

Для существования договорной федерации основой служит наличие договора как юридической формы согласования воли субъектов федерации и федерального центра. При этом особенностью такого договора как учредительного для данного государства акта является его приоритет перед федеральной конституцией или, по крайней мере, равная с ней юридическая сила.

Таким образом, если мы признаем характер высшего конституционного акта основным критерием классификации федераций, мы вправе сделать вывод о том, что изменение природы федерации в процессе его развития возможно. Его юридическая основа может быть изменена легальными средствами, причем исторические процессы, приведшие к созданию федерации, не оказывают на него существенного влияния. Так, если в начале XIX в. большинство американских ученых рассматривали общефедеральную конституцию как форму делегирования штатами своих полномочий федеральной власти, что предполагало возможность отзыва делегированных полномочий и даже возможность выхода из состава федерации⁶, то уже к концу XIX в.

⁶ Так, Джон Кальгун доказывал, что полномочия США первоначально принадлежат штатам и лишь делегированы на время федеральному правительству. В обоснование он ссылаясь на 10-ю поправку к Конституции США, утверждающую, что «полномочия, не предоставленные США, сохраняются за штатами». А следовательно, сама Конституция, по его мнению, есть лишь особая

конституционно-правовой доктрине достаточно четко утвердилось представление о США как о нерасторжимом едином государстве, основанном на конституции, выражающей единую волю всего народа США.

Определенный интерес вызывает то обстоятельство, что непосредственно этимология термина «федерация» («foedus» – «договор»⁷ или «союз»⁸) нередко выступает аргументом для определения федерации как союзного государства, основанного на договоре ряда государств. Как отмечает И.А. Умнова, немецкоговорящие швейцарцы все еще называют федерацию словом «Genossenschaft», что означает ассоциацию, скрепленную особым обязательством в форме взаимной клятвы⁹.

В соответствии с вышеизложенным, понимание федерации именно как договорного союза ее субъектов между собой обосновывает ряд важных выводов.

Во-первых, основой такой федерации служит договор как юридическая форма согласования воли субъектов федерации. При этом особенностью такого договора как учредительного для данного государства акта является его приоритет перед федеральной конституцией или, по крайней мере, равная с ней юридическая сила.

Во-вторых, сама договорная федерация представляет собой политическое образование, существующее на основе делегирования части полномочий субъектов на общефедеральный уровень. Субъекты договорной федерации всегда вправе пересмотреть федеральную конституцию или, по меньшей мере, связанную с федеративным устройством ее часть.

В-третьих, такое образование является расторгимым союзом, что обусловлено принципом добровольности договора. Расторгимость подразумевает право выхода (сецессии) субъектов федерации в том или ином порядке или в том или ином случае.

Такое обилие значимых особенностей договорной федерации послужило ряду авторов доводом для выделения такого рода образований в особую форму государственного устройства, являющуюся промежуточной между классической федерацией и конфедерацией, – союзное государство. В условиях договорной феде-

форма договора о делегировании полномочий, из которого штаты вправе в любой момент выйти. Цит. по: *Пашенко Н.И.* Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С 326–327.

⁷ См.: *Лепешкин А.И.* Советский федерализм: теория и практика. С. 6.

⁸ См.: *Общая теория права и государства* / Под. ред. В.В. Лазарева. С. 262.

⁹ *Умнова И.А.* Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000.

Государственные институты и правовые системы

рации (союзного государства) конституции субъектов закрепляют полномочия, добровольно переданные ими федерации. В силу этих конституций субъекты, в свою очередь, отказываются от своего права осуществлять ряд полномочий.

Следует, однако, обратить внимание на возникающее в этой связи противоречие между определением федерации как юридически расторгимого союза, основанного на воле образовавших его субъектов, и классическим представлением о федерации как о нерасторгимом государстве, основанном прежде всего на волеизъявлении его народа. Не говорит в пользу реализации идеи союзного государства и фактор его неустойчивости, противоречащий тенденции к стабилизации и единству существующих государственных объединений. Союзному государству, имеющему в своей основе союзный договор, признающему суверенный характер своих субъектов, допускающему возможность их сецессии из своего состава, а также обладающему сферой конкурирующего законодательства, что таит в себе опасность возникновения так называемой «войны законов», все более противопоставляется форма конституционной федерации, которая проявлений этих дезинтегрирующих факторов не предполагает. Поэтому едва ли справедливо замечание о том, что «история буржуазного федерализма не знала иных форм федерации, кроме союзного государства».

Федерация не предполагает такого договорного союза, в котором преобладающее место занимают процессы солидарной ответственности субъектов за его существование, и это является первопричиной возникновения противоречия между понятиями федерации и союзного государства¹⁰. Каждый субъект федерации «отвечает» только в своей доле, следовательно, судьба союза не вполне определяется совокупной волей субъектов, даже если они пожелают разрушить федерацию. Иное дело союзное государство, которое может не выдержать «экзамен на прочность» (как это нам известно из истории распада СССР).

Чаще всего в федеральных конституциях не закреплено право сецессии, а иногда в них и вовсе прописан запрет на осуществление сецессии или указаны иные гарантии целостности государства: запрещение для субъектов заключать какие-либо договоры или вступать в сепаратные союзы. В ряде случаев федерации не ограничивались юридическим отказом от права субъектов на сецессию, доходя до подавления попыток фактической сецессии вооруженным путем, иными

словами, речь идет о насильственном отказе в праве на выход соответствующим субъектам.

В юридической науке принято придавать большое значение данному признаку, поскольку именно в этом заключается основной критерий разграничения конфедерации и федерации. Например, известный русский государствовед Ф.Ф. Коккошкин писал: «Наиболее важное практическое отличие между конфедерацией и федерацией заключается в том, что за членами первой признается право выхода из союза»¹¹. Там, где право выхода предусмотрено, имеется конфедерация, где оно не признается – там федерация.

В продолжение темы юридической квалификации природы СССР как федеративного государства, которой мы касались выше, вспомним о том, что в свое время классическая юриспруденция была вынуждена признать тупиковость сложившейся ситуации. Являясь по своей форме федерацией, Союз ССР одновременно закрепил в Конституции право свободного выхода союзных республик. Оно обосновывалось национальным характером общесоюзной федерации и рассматривалось как государственно-правовое выражение права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Нация обладает правом на самоопределение вплоть до отделения, национальное государство – правом на выход. Согласно описанной схеме, федерация по своему характеру выступает в качестве исключительно добровольного союза наций. Эта добровольность проявляется не только в процессе создания союза, но и в течение всего срока его существования, поскольку обладание правом выхода служит гарантией свободного состояния республик в составе Союза ССР. Соответственно, форма федерации здесь отождествлялась с формой союзного государства.

Однако такое отождествление представляется неправомерным полностью. Союзное государство создается на договорной основе, федерация, напротив, договорным объединением не является. Поэтому Союз ССР не был федерацией в истинном смысле, ибо в нем существовали договорные отношения, связанные с наличием признаков конфедерализма или даже «анархического начала»¹², приведших впоследствии к его распаду несмотря на явную тенденцию к централизации, свойственную унитарному государству.

¹¹ Коккошкин Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2. М., 1912. С. 58

¹² См.: Кэпп Э. История советской России. Кн. 1. Т. 1, 2. М., 1990. С. 322.

¹⁰ Лепешкин А.И. Указ. соч. С. 138.

Стоит также упомянуть о том, что юридическая возможность выделения субъектов или иных территорий из состава государства существует не только в федерациях, но и во всех остальных возможных формах государств. Иногда для его реализации специальное закрепление его в тексте Основного закона даже не имеет необходимости. Так, например, любой субъект Федерации может выйти из состава РФ в порядке, предусмотренном главой 9 Конституции РФ. Другими словами, законодательный орган субъекта РФ может выступить с инициативой пересмотра Конституции РФ полностью или частично, с тем чтобы по новому Основному закону он более не входил в состав Российской Федерации. Такой выход может состояться при одобрении данной инициативы конституционным собранием или посредством всенародного голосования.

Соблюдая данный порядок действий, возможно выйти из любой иной федерации мира. Так, Верховный суд США в ходе рассмотрения вопроса о праве выхода штата Техас из состава США, отметил, что «Техас, став одним из штатов, вступил в нерасторжимое соглашение... Нет больше места для отмены или пересмотра этого решения иначе, как революционными средствами или с согласия США»¹³.

Тем не менее, указанные обстоятельства не предполагают юридической расторгимости США, Российской Федерации или любого иного федеративного государства. Они скорее служат подтверждением выводов, сделанных нами во второй главе настоящей работы: государственный суверенитет, принадлежащий единому народу федерации и выраженный в единстве государственной власти федерации и ее субъектов, означает верховную и абсолютную, т.е. юридически неограниченную, политическую власть. Суверен, когда он выражает солидарную волю народа федерации и населения соответствующего субъекта, не ограничен в своих действиях ничем, в том числе и принятой им конституцией. Но было бы неверно полагать, что данное обстоятельство дает субъектам федерации право на самостоятельное решение вопросов своего нахождения в составе федерации. Такое положение дел предполагало бы наличие суверенитета самого субъекта РФ, т.е. несвязанность его юридическими велениями федерации в целом, исходящими от единого народа федеративного государства в целом, а значит, могло бы свидетельствовать о наличии конфедеративной формы политико-территориальной организации.

Учитывая все вышеизложенные обстоятельства, мы склонны обозначить фиктивный характер теории договорных федераций как очевидный. Реализация в полном объеме принципа договора как идеи приоритета свободных волей договаривающихся сторон над общегосударственной волей неизбежно влечет за собой разрушение принципа единства федеративного государства и превращение договорного образования в конфедерацию. В противном случае сам принцип договорной федерации может оказаться фикцией (как это было в СССР), и будет выступать лишь в качестве декорации для фактически конституционного характера федеративных отношений либо даже в качестве прикрытия унитарных связей центра и регионов.

Данные рассуждения находят свое подтверждение в работах И.А. Умновой: «Теория о договоре как основной правовой форме государственного устройства служит идейной основой разрушения федерации, ее замены на конфедерацию. Ущербность такой теории доказывается не только опытом России, но и других государств (Квебек в Канаде, Бавария в Германии, Пенджаб в Пакистане и т.д.). Ее сущность как антифедералистской теории заключается в том, что субъекты федерации, заключив договор и признавая его высшей правовой формой урегулирования взаимоотношений с центром, рассматривают себя в качестве суверенных государств, полномочных в любое время расторгнуть договор, выйти из состава союза (объединения), ратифицировать решения центра и отменить их в случае несогласия с ними. Создаваемая в таком виде система разделения государственной власти и ответственности является неустойчивой и не оказывает необходимого регулятивное воздействие на федеративные отношения»¹⁴.

Интересно, что еще сто лет назад А. Яценко писал, что «федеральные государства покоятся на конституциях, а не на договорах, но эти конституции могут возникать из самых разнообразных оснований»¹⁵.

Данное обстоятельство особо подчеркивает Л.М. Карапетян: «Договор (соглашение) между учредителями федерации или субъектами, ее преобразующими, предшествует принятию конституции. Он заключается именно для того, чтобы его положения органично вошли затем в основной закон государства. После его подписания следует принятие конституции. В нее инкорпорируются частично или полностью нормы договора (соглашения), которые в дальнейшем могут

¹³ Цит. по: Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948. С. 324.

¹⁴ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. С. 81.

¹⁵ Яценко А. Теория федерализма. С. 286.

Государственные институты и правовые системы

подлежать изменению в порядке, предусмотренном для внесения поправок в конституцию. Договор (соглашение) лежит в основе создания федерации, а конституция – в основе организации и функционирования уже созданного федеративного государства»¹⁶.

Одновременно с вышеизложенным, И.А. Умнова хотя и полагает, что использование схемы договор–конституция является более предпочтительным, возможность, а в некоторых случаях и целесообразность использования только конституции для учреждения федеративного государства, автор все же не исключает. Важным обстоятельством остаются требования консенсуса, т.е. общественного согласия по поводу основных вопросов федеративного устройства государства¹⁷. Однако даже это требование носит не правовой, а скорее политологический характер: «В противном случае, во-первых, значителен риск нарушения несогласной стороной формально-юридической модели, и, во-вторых, такое нарушение может привести к серьезным последствиям, ибо подвергаются разрушению устои государственного устройства. Как свидетельствуют история и современные реалии, когда это несогласие затрагивает конституционные основы федерализма, сопротивление проявляется в острых формах и жизнеспособность федерации оказывается непредсказуемой».

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что сама по себе юридическая модель образования федерации на основе договора и конституции или непосредственно на основе конституции не влияет на принцип единства федеративного государства и нерасторжимости его по воле субъектов.

Следует также отметить, что в мировой конституционно-правовой практике широко распространено использование договоров (соглашений) как юридических средств достижения консенсуса при создании или реформировании федерации. Так, путем соглашения между кантонами была образована Швейцария. Договор применялся и при воссоединении Западной и Восточной Германии. При этом ст. 4 и 5 Договора об объединении между ФРГ и ГДР предусматривают настоящие и будущие изменения в Основном законе Германии с учетом заключения данного Договора¹⁸.

Что же касается ситуации, складывающейся в современной России, отметим, что развитие договорных процессов поставило вопрос о юридической природе

федерации в сочетании ее конституционных и договорных основ. Необходимым представляется более подробное рассмотрение данного вопроса.

Договор о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов был подписан 18 марта 2014 года и ратифицирован 21 марта 2014 года. Преамбула договора подтверждает принцип равноправия и самоопределения народов, права и свободы человека и гражданина, уважение к общепринятым нормам и принципам международного права, сохранение принципов демократического, федеративного, правового государства.

Правовыми основами принятия Республики Крым в РФ явились Конституция РФ, ФКЗ «О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 года. Данный нормативный акт допускает то, что к РФ сможет присоединиться иностранное государство или его часть. Основными требованиями для принятия иностранного государства в состав РФ являются добровольная основа объединительного процесса, а также соблюдение государственных интересов РФ и принципов федеративного устройства. Закон особо подчеркивает, что присоединение осуществляется по взаимному согласию на основании международно-правового договора между РФ и иностранным государством. Закон отдельно указывает, что новому субъекту предоставляется статус республики, если в договоре не будет указано иное. В соответствии с ФКЗ «О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 года, международный договор может регулировать вопросы государства, правопреимство в отношении членства иностранного государства в международных организациях, работы органов государственной власти и т.д.

В соответствии с вышеизложенным, Крым, приобретя статус суверенного независимого государства, и РФ заключили международный договор о присоединении, руководствуясь всеми нормами и принципами, заложенными в нашей федеральной конституции и в упомянутом выше Федеральном Конституционном законе. Единственная не предусмотренная законодательством особенность процесса присоединения Крыма – образование в составе РФ не одного, а сразу двух новых субъектов на основании одного договора. Так, Севастополь получил статус города федерального значения и субъекта.

21 марта 2014 года был принят ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и об-

¹⁶ Карпетян Л.М. Федеративное устройство российского государства. М., 2001. С. 9.

¹⁷ Умнова И.А. Указ. соч. С. 22-23.

¹⁸ Умнова И.А. Указ. соч.

разовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя», подробно регулирующий большой спектр вопросов в переходный период. Из текста указанного закона следует, что новые субъекты формируются на основании общих для всех субъектов РФ принципов, а именно наличия единой системы органов государственной власти, единой территории, единого гражданства и единой системы нормативных актов, возглавляемой федеральной конституцией. В частности, ст.23 Закона указывает, что нормативно-правовые акты, ранее действовавшие на территории Крыма, не применяются в случае противоречия их Конституции РФ; ст.19 указывает, что местное самоуправление строится для Севастополя по аналогии с Москвой и Санкт-Петербургом; нигде нет упоминания о наличии собственного гражданства Крыма. В соответствии с этим можно сделать вывод, что новые субъекты по окончании переходного периода ничем не будут отличаться от всех остальных. Ни в Договоре о присоединении, ни в №6 ФКЗ нет упоминания о перераспределении компетенции между органами власти РФ и Крыма по сравнению с иными субъектами. Соответственно, должны соблюдаться принципы равенства субъектов во взаимоотношениях между собой и с органами федеральной власти. Единственный момент, который пока нарушает данный принцип – закрепление положения о прохождении воинской службы граждан, проживающих на территории новых субъектов, на своих же территориях. Однако такой порядок введен лишь на четко определенный срок – до 2016 года.

Необходимым представляется принятие во внимание также того, что сохранение принципа равенства субъектов не является окончательным подтверждением незыблемости конституционной природы современного федерализма. В составе России появилось новое государство, которое по своей природе имеет в основе не национально-территориальную характеристику, как все республики, а

территориальную, как края и области. Возможно, более развитую характеристику можно будет дать после принятия конституции Крыма. Но уже в настоящее время можно говорить о позитивном шаге в вопросах приведения нашей федерации к классическому ее пониманию и избавлению от наследия советского федерализма, который, как известно, претерпел глубокий кризис, закончившийся распадом всех федераций советского типа, имевших в основе своей организации национальный принцип.

Очень важно обратиться и к теме возможных негативных последствий для нашей федерации, к которым могут привести элементы договорной федерации, такие как присоединение субъектов на основании международного (межгосударственного) договора. Возникает вопрос о том, насколько реалистичной представляется возможность расторжения подобного договора, как, например, был денонсирован договор об образовании Союза ССР. Безусловно, Конституция России не предусматривает права сепарации субъектов, придерживаясь международных принципов территориальной целостности и единства государства. Россия является единым суверенным государством, не признающим за своими субъектами права на самоопределение вплоть до отделения. По общему правилу не допускается денонсация договора или выход из него, если такая возможность не предусматривается в самом договоре. Однако договоры могут быть прекращены в ряде случаев, например в случае коренного изменения обстоятельств (*Rebus sic stantibus*), если такие обстоятельства составляли существенную основу согласия государства на заключение договора. Очевидно, что ФКЗ «О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 года не в полной мере учел опасность присоединения к России иностранного государства на основании договора. Возможно (и желательно) решить данную проблему на уровне федеральной конституции уже сейчас, когда новый субъектный состав недавно сформирован и действует переходный период.

Библиография:

1. Конституционное право: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1999.
2. Карапетян Л.М. Федеративное устройство российского государства. М., 2001
3. Конституционное право зарубежных стран: Учебник / Под ред. М.В. Баглая, Ю.И.Лейбо, Л.М.Энтина. М., 1997.
4. Лепешкин А.И. Советский федерализм: теория и практика.
5. Общая теория права и государства / Под. ред. В.В. Лазарева.
6. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000.
7. Кокошкин Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд.2. М., 1912.
8. Карр Э. История советской России. Кн. 1.Т. 1, 2. М, 1990.
9. Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948.
10. Ященко А. Теория федерализма.
11. Палиенко Н.И. Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903.

References (transliterated):

1. Karapetyan L.M. Federativnoe ustroistvo rossiiskogo gosudarstva. M., 2001
2. Lepeshkin A.I. Sovetskii federalizm: teoriya i praktika.
3. Umnova I.A. Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiiskogo federalizma. M., 2000.
4. Kokoshkin F. Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu. Izd. 2. M.,1912.
5. Karr E. Istoriya sovetskoi Rossii. Kn. 1.T. 1, 2. M, 1990.
6. Levin I.D. Suverenitet. M., 1948.
7. Yashchenko A. Teoriya federalizma.
8. Palienko N.I. Suverenitet: Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie. Yaroslavl', 1903.